27 августа 2005 года исполняется 80 лет со дня рождения народного художника Республики Казахстан, лауреата Государственной премии РК Хакимжана Наурызбаева. Это первый казахский профессиональный скульптор, создатель известных всем соотечественникам памятников великим сынам родного народа. Талант мастера был счастливо востребован временем и нашел воплощение в монументальных произведениях изобразительного искусства, которым не грозит забвение потомков. Это Абай - на площади перед Дворцом Республики, Шокан Уалиханов - у Национальной академии наук РК, Жамбыл - в сквере у Казахского государственного академического театра оперы и балета имени Абая. Мы пригласили сегодня Хакимжана Есимхановича НАУРЫЗБАЕВА в нашу гостиную и попросили его рассказать о начальной поре своего личностного и творческого становления.

Уроки жизни и искусства

- Родился я на кустанайской земле, в лесостепной зоне, по соседству с Челябинской и Курганской областями России. Наш род был зажиточный. Предки со стороны и отца, и матери имели скот и занимались охотой. Моя мать Ракыш, прожившая всего 34 года, окончила медресе, слагала стихи и хорошо пела. Моя сестра Кулящ до сих пор некоторые ее песни помнит. А мой отец Есимхан прожил 107 лет. Был он на все руки мастер: мог и телегу сделать с колесами, и сани, и домбру смастерить. Свои изделия он многим именитым алмаатинцам дарил. Был он и лекарем - людей на ноги ставил и скот лечил.

- Хакимжан Есимханович, ваша любовь к скульптуре предками не завещана?

- Нет; изобразительным искусством *никто из них не занимался. Не было в том ни необходимости, ни потребности, да и желания.*

- И каким же образом этот родничок творчества в вас пробился?

- Может, случайно, а может, и не совсем. В 1932 году мы переехали в село Ксеньевка (оно до сих пор так и называется). Заложено оно было переселенцами еще с екатерининских времен. Все там жили в дружбе и согласии. Мой отец работал ветеринаром в колхозе, слыл сельским интеллигентом и дружил с учителями и другими образованными людьми. И мой будущий учитель по фамилии Суков приходил к нам в гости и приносил разные журналы с репродукциями картин и рисунками. Я смотрел, любовался. Как-то он принес цветные карандаши и альбом. И я начал рисовать, именно рисовать, а не срисовывать с картинок. Сухов и отец сидят, пьют чай, а я их рисую. Они поражались портретному сходству. Это было еще до школы.

Я, между прочим, даже какие-то свои открытия делал. Смотришь на природу - она обширная, глаза разбегаются, не знаешь, где конец у какого-то вида, где начало. Беру фанеру, вырезаю раму, как экран, насаживаю на кол и этим экраном выбираю вид. Ту точку мне показывался. Втыкаю кол в землю, гляжу в эту раму-окошечко и рисую пейзаж. Так в самой природе находил композицию. Я тогда и понятия не имел о перспективе; но я уже ее отображал - дальний план, передний план. Абсолютно интуитивно и самостоятельно.

- А скульптурой когда вы начали заниматься?

- В том же селе Ксеньевка. Однажды захожу в магазин, там небольшой бюст Ленина стоит, какие-то бюсты... Стою, разглядываю. Потом взял один, повернул - а он пустой внутри, а по краям отпечатки пальцев. И мне пришло в голову, что это бюсты, значит, человек сделал, слепил. А почему я не могу? Но прошел случай забыл - ребенок же. Спустя какое-то время возле нашего дома копали колодец. И на куче сырой глины я увидел отпечатки ступней. Я сразу это сравнил с тем, что когда-то видел в магазине. Взял кусок, начал лепить. И старался делать внутри пустоту, по образцу бюста. Ох мучился: глина трескается, ломается.

- Как-то пришел к нам налоговый инспектор, он по домам ходил, налоги собирал, и обратил внимание на мои занятия: "Смотри-ка Хакимжан, где ты научился?" - "В магазине". - "Молодец. Но это плохая глина, вот в Мендыгаре, райцентре, настоящая глина! Там горшечники горшки делают. Попроси отца, пусть он тебе мендыгаринскую глину привезет". Я отцу сказал, он запряг коней и полную арбу глины привез. И я *стал лепить, причем старался раньше утром* начать, чтобы к вечеру закончить. О том, что надо заворачивать фигуру в мокрую тряпку, чтобы глина за ночь не засыхала, я тогда не знал.

- И что же вы лепили?

- Героев литературных произведений, Пушкина, Горького. Учился я в русской школе. Очень читал, то и лепил. И лошадей лепил, и всадников. И тоже делал свое открытие. Сшил мешочек, типа купола, заполнил его песком, завязывал и лепил, на нем какую-нибудь фигуру. После окончания работы песок из мешочка высыпал, мешочек вытягивал; и получалась пустотелая фигура.

Году в 1934-м, когда мне было девять лет, читаю в газете "Пионерская правда" такое объявление: "Московская детская заочная художественная школа набирает учащихся из всех республик Советского Союза". Я отправил туда свои рисунки и скульптуры, и меня приняли на учебу.

- А нужно изоискусству учиться заочно?

- Выходит, можно. Было бы у человека желание и внимание со стороны учителей. Я посылал в Москву свои рисунки, а педагоги мне их возвращали с поправками и с описанием, как лучше рисовать. Эта учеба продолжалась до самой Великой Отечественной войны. Потом я получил письмо, что в связи с такой бедой школа закрывается. На том и кончилось мое начальное специальное образование.

В 1943 году в наш Узенкольский район приехал председатель Совета Народных Комиссаров Казахстана Нуртас Дандыбаевич Ундасынов проконтролировать организацию зимней уборки урожая, потому что летом хлеб не смогли полностью убрать, он остался в скирдах, надо молотить, спасать зерно для Родины. Я уже работал заведующим общим отделом райисполкома.

- Вам было всего 18 лет. Как вы оказались на советской службе?

- Когда началась война, колхозный кузнец ушел на фронт. Кто-то сказал: "У Есимхана есть сын, он часто ходит в кузницу. Может, справится?" Мне действительно было интересно, как кузнец работает, я стал помогать ему, и мало-помалу овладел кузнечным ремеслом. Мог лошадь подковать и любую работу по металлу сделать. Я первым в районе закончил ремонт сельхозтехники. Весь инвентарь отколал из-под снега, бороны, плуги, косилки отремонтировал и, как тогда говорили, все поставил на линейку готовности.

Председателем райисполкома был товарищ Жамелитдинов, он заинтересовался. "Что это за кузнец такой? Всех обставил!" И специально приехал посмотреть на меня. Вызывают в контору. Захожу в малахае, шубе, валенках, все залатанное. "Ты и есть кузнец? Как это ты управился? Молодец, парень". Вскоре опять посылает за мной. "Вот что, Наурызбаев, будешь работать в райисполкоме, заведующим общим отделом" - "Я не умею". - "Научим"; И я стал работать. Я был обязан весь исполком обеспечить дровами и хлебом. Как завхоз. В моем распоряжении находились только лошади, которые были на моем попечении, я должен был их содержать, кормить, фураж доставать.

- О творчестве пришлось забыть...

- Еще в школе мои живописные работы и скульптуры отправляли на олимпиады детского творчества, потом из района мне премии присылали. А куда девались сами работы, я не знал; да и не спрашивал. Когда я начал работать в райисполкоме, захожу в один кабинет, в другой - везде мои работы висят, скульптуры стоят. Как-то вызывает меня секретарь райкома партии, захожу к нему в кабинет - и там мои работы.

Когда Н. Ундасынов приехал и увидел мои работы, то сразу понял, что это кто-то местный делал, и поинтересовался: чьи? "Да один сотрудник наш". И меня приглашают к председателю Совнаркома. Он спрашивает: "Будешь учиться этому делу?" - "А зачем учиться? Я и сам что угодно могу сделать". Н. Ундасынов улыбнулся и объяснил, что есть такие школы, где получают профессиональное образование, назвал многих художников, чьи имена я и не слыхивал. "Ты должен учиться, тем более что у нас нет скульпторов никого. Я впервые вижу, что, оказывается, есть такой самородок". И уехал.

Наступил май 1943 года. Как раз реализация госзайма шла, а я как заведующий общим отделом поехал по сельответам проверять, как идет реализация займа. И вот возвращаюсь с хорошими вестями, веселый, из Берликсского сельсовета в райцентр - подписка прошла организованно. И тут пацаны меня встречают криками: "За тобой приехали! Тебя забирать будут!" Уже вся деревня знала, что, оказывается, Н. Ундасынов свое слово не забыл, поручил председателю облисполкома Даниалу Керимбаеву (позже он станет Председателем Верховного Совета Казахской ССР) отправить меня в Алма-Ату, и чтобы меня готовили в дорогу.

Прихожу домой - там баурсаки пекут. Праздник. Все мои шмотки постирали. Уже и приказ написан, и расчет приготовили. Этот приказ я всю жизнь храню. Одежду в мешок сложили, баурсаков в мешочек положили. И назавтра меня повезли на "эмке", легковушке, в город Кустанай. Рядом с шофером сидит Д. Керимбаев, на заднем сиденье - я. Что мне запомнилось - ехали мы по проселочным дорогам и заблудились, не знаем, куда дальше. На пути попалась какая-то огромная вышка. Д. Керимбаев говорит: "Хакимжан, где зай-ка, посмотри, где есть ближайшее селение". Я взобрался на эту вышку. Интересно с такой высоты видеть огромное степное пространство! Говорю: вон туда надо ехать, дорога в ту сторону ведет...

Приехали в Кустанай. Устроили меня в обкомовскую гостиницу. Впервые в жизни - гостиница! "Отдыхай. Когда надо будет, пригласим". Ну, лежу себе один, любуюсь, такой комфорт. На следующий день за мной пришли. Заходим в кабинет к Д. Керимбаеву. Смотрю, и там тоже мои работы стоят. На сейфе скульптурный портрет Жамбыла. Он говорит: "Вот эту твою работу мы хотели бы купить". - "Как купить? Разве можно это продавать?" - "Мы тебе хотим десять тысяч рублей дать". - "Да вы смеетесь, что ли? Вы зачем меня сюда привезли? Никуда я не поеду. Домой хочу. Мне надо сено косить, дрова рубить. А этого добра я и сам, без школы вашей, сколько надо, столько и сделаю".

Д. Керимбаев не на шутку растерялся, стал говорить мне: "Скульпторов у нас в республике вообще нет, ты будешь первый. Поедешь в Алма-Ату, Нуртас Ундасынов тебя пригласает. Но в таком виде тебе ехать нельзя, смотри, на кого ты похож? Тебе одеться надо, в порядок себя привести". И сказал людям, которые находились в кабинете: "Этого мальчика надо одеть, как следует, он к Н. Ундасынову поедет". В Кустанае было обкомовское ателье, с меня мерку сняли, тут же костюм сшили, а все мое - в мешок и отправили домой.

Приезжаю в Алма-Ату, устроили меня в интернате при казахской школе, на улице Кирова, около речки Малая Алматинка, у Пугасова моста. Там в основном учились сироты, дети фронтовиков. А рядом, на углу улиц Пушкина и Виноградова, было Художественное училище имени Гоголя. Приглашают меня в Совнарком, к Н. Ундасынову. Прихожу, в кабинете сидят эвакуированные художники, скульпторы. Был там председатель Союза художников Казахстана Евсей Зеликович Левин, интересный, оригинальный человек. Он был художником фильма "Амангельды". Была там Ольга Николаевна Кудрявцева, будущий мой педагог, и Абылхан Кастеев, и Алексей Ильич Бортников - он преподавал в училище рисование. В кабинете стояли мои работы, и они их видели. И тут Ольга Николаевна, глядя на меня, говорит: "Мне этот мальчик нравится, дайте его мне, я буду его воспитывать, возьму над ним шефство".

В училище отделения скульптуры еще не было. Ольга Николаевна попросила у руководства интерната отдельную комнату под мою "персональную" мастерскую и добилась.

А через какое-то время мы, трое интернатовских - Ия Попова, Эрикжан Майльбаев (все мои ровесники) и я - поехали в столицу поступать по направлению в Московский архитектурный институт. Он находился недалеко от Казанского вокзала по Рождественской улице, рядом с метро "Дзержинская" (теперь - "Лубянка"). Моих друзей зачислили на подготовительное отделение: у них были аттестаты, но не оказалось никаких с собой рисунков. А у меня были и рисунки, и скульптуры, но я даже семи классов не окончил, одну четверть походил и бросил. И мне в учебной части говорят: "А вам, молодой человек, домой бы ехать надо". Что делать? Возвращаться не хочу, приехал учиться - и буду учиться. Не буду учиться - работать буду.

В общежитии я еще пока ночевал и никому из ребят ничего не говорил. Был там пожилой вахтер, с бородой. Сижу я около него один день, сижу второй... На третий день он меня спрашивает: "У тебя, милый человек, занятия что, не, нет? Что вы тут сидите? Я ему все и рассказал. "Э, не переживай! Пошли, я тебя устроюсь". Привел он меня в отдел кадров и говорит: "Вот хороший парень, в институте учиться хотел, а тот пас. Он вполне может в нашем институте помощником кочегара работать. Пожалуйста, примите его". И меня оформили. И я уже имел право на общежитие на основании кивить в общежитии.

Однажды этот наш вахтер мне говорит: "Знаешь что, ты на ходи на занятия, никого не спрашивая, ходи себе". Так и я сделал. Живу со студентами, хожу на занятия. Часа в 3-4 утра он заходит и меня будит: "На работу пора, подтапливай". Там топы были старого образца, надо было забрасывать внутрь и лопатой с коротким черенком выгребать золу. А уже дрова приготовлены, растопишь, уголь добросовестно, как кочегару, пожалуйста, все готово. Там рядом были, в знаменитые Сандуновские бани, в душевой искупавшуся - и на занятия. И так каждый день. Хожу на занятия, все задания выполняю.

- Но ведь там велся учет студенческого контингента?

- Правильно. "Как ваша фамилия?" - спрашивает преподаватель. Называю себя. Тот ищет в журнале. "Что-то вашей фамилии в списке нет". А ребята знают: "А, наверное, забыли!" Преподаватель меня вписывает. Так же и все другие педагоги. Так я и ходил, занимался без приказа о зачислении. А потом узнал, что в этом институте есть скульптурная мастерская. Архитекторы ведь тоже по учебной программе должны проходить скульптуру. Я нашел эту мастерскую, вижу, никто туда не ходит. Лежит глина, стоят станки. И я начал работать. К тому времени Ольга Николаевна уже уехала на родину, в Харьков. Мы с ней переписывались. Эти письма сохранились. Я ей писал, чем занимаюсь, а она мне наставления давала.

- А кто же в мастерской с вами занимался?

- Никто. Сам. Как-то дипломники института надумали организовать выставку своих работ в Союзе архитекторов. И я тоже решил выставить свои скульптуры. Но гипса-то нет: идет война, гипс - дефицит. Все работы - в глине. С помощью ребят я перенес несколько своих портретных работ на эту выставку. Но оставлять их нельзя: засохнут, полопаются. И вот я каждый день по утрам прихожу с бутылкой воды, обрызгиваю, к вечеру опять прихожу, обворачиваю мокрой тряпкой. Так вот и спасал работы. И стал официальным участником выставки дипломных работ выпускников Московского архитектурного института, будучи первокурсником-вольнослушателем.

Свой первый учебный год я окончил без сдачи экзаменов, и в 1945 году, после Победы, уехал в Харьков, к доценту Ольге Николаевне Кудрявцевой. Приехал и поступил в художественный институт полноправным студентом. И прочился все шесть лет под руководством этого своего педагога. Я был единственным казахом в институте. Слава о казахах, героях Великой Отечественной войны, была большая. И ко мне относились с уважением даже преподаватели с других кафедр. Очень теплые были у меня отношения с Сергеем Фотиевичем Бесединым, который в годы эвакуации жил в Алма-Ате и был директором нашего художественного училища, я у него тогда занимался.

В институте, видимо, ценили мои организаторские способности, которые получили бы развитие в период моей работы заведующим общим отделом райисполкома. Меня в местном институте брали, потом дали ответственную должность: распределять продовольственные карточки. Время было послевоенное, голодное. Рядом с нами, тоже: Хакимжан сидит, ест одну вареную казак, мы же все для него единственные, и он будет самым справедливым. И я занимался распределением этих карточек до 1947 года, пока не отменили карточную систему. Был членом комитета комсомола, общественником, руководил лесторской группой по лесным делам. Читал лекции по народном композиторе Дене Нурпеисовой. Им было очень интересно. Я был не просто с прекрасным русским - лектор-казах, с прекрасным русским языком. Причем я тогда уже неплохо говорил и по-украински.

Ольга Николаевна однажды мне говорит: "Хакимжан, наши художники поделают свои работы на Всесоюзную выставку. Давай мы и твои работу пошлем". Давай мы и твои работу пошлем. Джамбул", в гипсе. И так случилось, что из всех работ, присланных из Харькова, приняли на эту выставку одну мою скульптуру "Мальчик Джамбул" и вошел в первый каталог Всесоюзной художественной выставки. Учился я тогда всего лишь на втором курсе.

И такой памятный факт. Мою работу "Отдыхающий шахтер" Ольга Николаевна предложила выпустить массовым тиражом. В Харьковское ее скульптурный комбинат, она приглашала его руководство, показала мою "Шахтера", он сняли форму, отлили, растиражировали и стали рассылать в шахтерские города по всему Донбассу. От каждого из землячков мне поступал гонорар, так что студент стал уже зарабатывать.

- А что собой представляла ваша дипломная работа?

- "Джамбул на лошади". У меня были свои впечатления об ахыне, потому что, когда я жил в Алма-Ате, то ездил к нему в аул.

- И как сложилась судьба этой скульптуры?

- Один небольшой отливок в бронзе стоит на родине Жамбыла, в саду у здания музея его имени. В крупный масштаб мне его перевести не удалось...

На каникулы я всегда возвращался в Алма-Ату, в дом А. Кастеева. Это как если бы я к себе домой приезжал. Благодаря поддержке Абылхана Кастеева и Александра Михайловича Беленова, который был в те годы председателем Союза художников республики, я, еще будучи студентом, сделал по заказу Министерства культуры Казахстана портреты Амангельды и Жамбыла. Спустя много лет я изваял фигуру акына в полный рост, с домброй. Он стоит в городе Таразе, на площади. Вообще образу Жамбыла я посвятил 14 работ.

- А другой ваш урок?

- Вы обратили внимание на то, что я никого не критикую? Это я считаю неэтичным. Когда я студентам что-то рассказываю, то сначала у них спрашиваю: как вы думаете - какие недостатки в той или этой работе? Они отвечают. Кто-то "впопад", кто-то не впопад. Я им объясняю, каким должен быть скульптор, как он отображает в материале своих героев... В моей мастерской Сатпаев стоит. В полный рост. Высота 4 метра 12 сантиметров.

- Это был госзаказ, конкурсная работа? Или просто от себя?

- От себя. К его 100-летнему юбилею. Сатпаев здесь в поре расцвета казахской академической науки. Первый президент Национальной академии, ученый-геолог. Сейчас он в гипсе. Должен быть переведен в камень. И постамент должен быть каменный.

- Но памятник Каныш Сатпаеву в Алматы уже есть. Второго Сатпаева в городе вряд ли поставят. Как вам видится судьба этого монумента?

- Не знаю. Я никогда не "пробиваю" свои работы. Нет у меня такого таланта - просить кого-то, выпрашивать что-нибудь. Душа моя продиктовала отдать великану нашей науки свой личный долг. И я этот долг, считаю, выполнил.

- Первая ваша скульптура, воздвигнутая в Алматы, - это Абай?

- Да, мой Абай. Я приступил к созданию этого памятника в 1954 году как участник официального конкурса, посвященного 50-летию со дня смерти великого поэта. И как победитель получил государственный заказ. Но отлучки государственный заказ. Но отлучки государственный заказ. Но отлучки